

Открывая книжные страницы...

**** ОБЗОРЫ***

**** СПИСКИ***

**** МЕТОДИЧЕСКИЕ
РЕКОМЕНДАЦИИ***

**«Лишь бы дело осталось.
Твое и мое»**

Министерство культуры, национальной политики
и архивного дела Республики Мордовия

ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина
Республики Мордовия»

Отдел гуманитарной литературы

Открывая книжные страницы...

«Лишь бы дело осталось. Твое и мое»

Методико-библиографический материал
к 90-летию Р. Рождественского

Саранск
2022

Содержание

УДК 02
ББК 78.38
Л673

Составитель *О. В. Ефремова*
Редакторы: *Т. В. Овсянникова, В. В. Кочеткова*
Ответственный за выпуск *О. И. Чавкунькина*

От составителя	4
Военное детство	7
Учеба в литеинституте. Начало творческого пути	16
Романтика трудных дорог. Письма домой	31
Опала	36
Проза и публицистика	40
Поэт-песенник	47
Работа на телевидении	54
Борьба за наследие известных отечественных поэтов	56
Последние дни. Уход	57
Библиография	
Произведения Р. И. Рождественского	59
Литература о жизни и творчестве Р. И. Рождественского	61

Л673 «Лишь бы дело осталось. Твое и мое» : методико-библиографический материал к 90-летию Р. Рождественского / Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия, Отдел гуманитарной литературы ; составитель О. В. Ефремова ; редакторы: Т. В. Овсянникова, В. В. Кочеткова. – Саранск, 2022. – 64 с. – (Открывая книжные страницы...).

УДК 02
ББК 78.38

© ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия», 2022

От составителя

20 июня исполняется 90 лет со дня рождения Роберта Ивановича Рождественского, который ворвался в застойную эпоху вместе со своими ровесниками-единомышленниками Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским, Н. Матвеевой, Б. Окуджавой и др. Рождественский с товарищами-шестидесятниками развили бурную творческую активность, собирая целые залы и стадионы. Их объединял искренний и сильный порыв, направленный на очищение от пороков прошлого, обретение настоящего и приближение светлого будущего.

Эмоциональный накал гражданской лирики шестидесятников – главная особенность этого культурного явления. Непосредственные, отзывчивые и живые стихотворения звучали, словно весенняя капель. На нелегкую судьбу страны и беды целого мира поэты реагировали искренне и независимо от идеологии. Они преобразили традиционный, застойный советский пафос прогрессивным и честным голосом своего поколения. Поэзия периода оттепели – это струя свежего воздуха в стране, тяжело переживающей нравственные последствия сталинского террора. Однако одной эпохой их творческий путь не ограничивается. Поэты 60-х годов не отстали от времени, хоть и сохранили за собой гордое имя «шестидесятники». Их произведения до сих пор злободневны и современны.

Роберт Рождественский за всю свою жизнь выпустил более 70 собраний собственных произведений. Это невероятное количество, которое считается творческим наследием России.

В произведениях поэта ярко отражается судьба целого поколения с переживаниями и радостями, обретениями и потерями. Написанные им стихи современны и актуальны до сих пор. В них дань уважения истории и патриотизм, восхищение Женщиной и лиризм, высокий слог и ирония.

Песни на его стихи – а их более шестисот! – были и остаются популярными и сегодня. А. Пахмутова и М. Таривердиев, М. Фрадкин и Е. Птичкин, Д. Тухманов и Я. Френкель, А. Бабаджанян, Н. Богословский и многие другие композиторы двадцатого века в соавторстве с Робертом Рождественским подарили нам удивительные песни: «Любовь настала», «Эхо любви», «Огромное небо», «За того парня», «Погоня», «Мгновения», «Там, за облаками», «Песня о далекой Родине», «Песня неуловимых», «Здравствуй, мама», «Стань таким», «Желаю вам», «Сладка ягода», «Позвони мне, позвони» и многие другие навсегда останутся в наших сердцах. Песни на его стихи звучат в культовых кинолентах, в числе которых «Неуловимые мстители», «Семнадцать мгновений весны», «Любовь земная» и другие, их поют и знают наизусть.

Мало кто знает, что именно Роберт Рождественский стал составителем первой в СССР публикации стихов Владимира Высоцкого, которая была издана в 1981 году и получила название «Нерв». И что в 1970-х годах XX века поэт вел телепрограмму «Документальный экран».

Миллионы людей читали его стихи, десятки миллионов пели песни, порой толком и не зная, кто их автор. Рождественского много хвалили и много ругали, для кого-то он был выдающимся лириком, для кого-то официальным поэтом. Теперь, когда его нет на свете, ясно, какого большого поэта потеряла Россия.

Биография его тесно переплетена с жизнью общества. Роберт Иванович Рождественский оказался гораздо современнее и актуальнее той эпохи, в которой жил. Своими вдохновенными строками он затронул какие-то особые чуткие струны наших сердец. В его стихи погружаешься, их хочется читать и помнить. Его стиль может быть только стилем Рождественского. В его творчестве каждый любитель поэзии найдет «свое» стихотворение, запавшее в душу. Много и долго можно говорить и восхищаться

талантом замечательного Человека, но стихи Поэта о нём скажут намного больше...

Талант и яркое творчество Роберта Рождественского неоднократно получало признание в виде правительственные наград и премий. Он был лауреатом премии Московского комсомола (1970), Ленинского комсомола (1972), Государственной премии (1979), «Золотой теленок» (1984). Был награжден орденами «Знак Почета» (1967, 1976), Октябрьской Революции (1982), Ленина (1984).

Предлагаемый материал подготовлен к 90-летию со дня рождения поэта, переводчика, автора песен Роберта Ивановича Рождественского (1932–1994) и предназначен для библиотекарей, педагогов, студентов, учащихся и всех, кому интересна биография и творческая деятельность одного из ярких представителей эпохи «шестидесятников».

Военное детство

Родился я в селе Косиха
Дождливым летом.
На Алтае.
А за селом синело поле
и пахло ливнем переспелым...
Нет!
Я родился много позже.
Потом.
В июне.
В сорок первом.
И жесткий голос Левитана
был колыбельною мою.
Меня война в себя впитала.
Я – сын ее.
Я полон ею...

Родился Роберт Рождественский 20 июня 1932 года в селе Косиха, районном центре на Алтае. Отец его, Станислав Никодимович Петкович, потомок ссыльных поляков, работал в НКВД. Мальчик запомнил об отце не много, т. к. в 1937 году родители разошлись. Помнит только, что отец ругал свою работу, потом сильно запил. После развода он сумел-таки уйти из органов, в 1939 году воевал с финнами, в 1941-м добровольцем ушел на фронт и там вскоре погиб.

Мать, Вера Павловна, приехала в Сибирь вместе с родителями в 1918 году из Петрограда. Её отец, Павел Федоров, был членом партии с октябряских дней. Вера Павловна работала директором начальной школы, потом решила стать медиком, и за пять дней до начала войны окончила Омский медицинский институт. Вскоре была призвана в армию, на фронт. Мальчик остался с бабушкой.

Потрясенный всем случившимся Роберт написал стихотворение, а школьный учитель отнес его в газету. В июле 1941 года оно появилось в «Омской правде» и было подписано школьником Робертом Петковичем. Ему было всего девять лет.

С винтовкой мой папа уходит в
поход.

Желаю, любимый, побед!
И мама зеленую сумку берет,
Уходит сестрой в лазарет.
Я тоже имею и ловкость, и силу,
Чтоб в бой на фашистов идти.
Но мне: «Подожди! – говорит
Ворошилов, –
Учись, закаляйся, расти».
Хотя мне сегодня десятый лишь
год,
Стрелять научусь я как надо.
И пусть только Сталин мне
скажет: «В поход!» –
Фашистам не будет пощады!

Свой первый девятирubлевый гонорар Роберт перечислил в Фонд обороны. Началась новая жизнь.

В те суровые годы было принято, чтобы дети-школьники посещали госпитали, писали письма под диктовку для тех, кто не мог писать, читали и разносили книги, пели, читали стихи. Солдатские сердца отогревались рядом с детьми, оттаивали. Не остался в стороне и Роберт. Частые концерты в госпиталях. Ежедневное, с замиранием сердца слушание радио. Страх при виде почтальона. Память сохранила эти воспоминания, и они потом пунктиром прошли через стихи и через прозу:

Сорок трудный год.
Омский госпиталь...

Коридоры сухие и маркие.
Шепчет старая нянечка:
«Господи!
До чего же артисты
маленькие...»

Из воспоминаний Р. Рождественского: «Шаркающие шаги и всегдашнее покашливание старенького почтальона... В наш дом он приходил под вечер, часа в четыре... Только теперь я понимаю, какой великой и одновременно какой страшной была эта профессия во время войны!.. В сумке, кроме писем и газет, он всегда носил пузырек с нашатырным спиртом... «Иначе сейчас нельзя! – объяснял он нам. – Без нашатыря сейчас никак не обойдешься!.. Ведь я теперь и почта, и скорая помощь... Несешь письмо, а что там? В четырех конвертах – радость, а в пятом – похоронка...» Молчаниеочных очередей у хлебных магазинов. Приглушенные стоны в госпитале, куда ребята ходили с концертом самодеятельности. Госпиталь теперь занимал школу, где раньше учились дети. На дверях палаты тяжелораненых висела знакомая надпись «1-й “А” класс».

«Голос Юрия Левитана... Господи, как я ненавидел этот голос в начале войны! Как я проклинал этот голос, произносящий страшные фразы: “Сегодня... после упорных и продолжительных боев... наши войска... оставили город...” И как я ждал этот голос, как любил его в конце войны! Как мы все его ждали! Как гордились им!»

Однажды мать приехала с фронта в отпуск на шесть дней! Она смеялась, плакала, обнимала сына: «Вырос-то как!.. Похудел-то как!..» Потом снова обнимала и снова плакала.

«Хриплая толкотня тыловых базаров... Что несло нас туда? Любопытство? Голод? Наверное, и то и другое... Там продавали патоку и жмых, сахарин, отруби и махорку, а иногда настоящий хлеб и настоящее молоко... Смотреть на всё это богатство можно было бесплатно...»

Тогда
мы жили в Омске.

Там
в сорок втором году
в весну
мы радовались не цветам,
а рассыпному толокну.

Я помню все:
и лебеду,
и очереди без числа...

На клумбах
в городском саду
картошка запросто росла.
Не смейте, люди, забывать
об этих днях,
о той весне.
<...>

Так начиналось стихотворение «Тогда», первое из написанных взрослым поэтом Рождественским о детстве. Со временем память о военном детстве всё чаще приходит в стихи Р. Рождественского. Всего стихотворений на эту тему написано им около двадцати.

Но сначала – в Омске жил мальчик, писал стихи, в которых мечтал о том, как попадет на фронт. И вдруг в 1944 году его мечта начала как будто бы и сбываться.

Несчастье: умерла бабушка. Роберт остался с теткой, но поскольку та практически круглосуточно работала на военном заводе, можно сказать, что он жил один. Узнав об этом, его мать выпросила небольшой отпуск и приехала за ним. С собой она привезла удивительные вещи: военную форму для Роберта и документы, удостоверявшие, что он является «сыном полка». Мать забрала его в Москву, чтобы уже оттуда, отметившись в военкомате, отправиться к месту службы, то есть на фронт.

Можете представить себе чувства двенадцатилетнего паренька, едущего в поезде через всю страну! И куда – на фронт! Да еще в военной форме, с настоящими погонами, в офицерских сапогах! Он мнил себя героем войны, защитником Родины, он видел отовсюду восхищенные взгляды, он находился наверху блаженства.

«Десять дней мы с матерью добирались в 1944 году от Омска до Москвы. Поезд останавливался в самых неожиданных местах. В общем-то, он больше стоял, чем шел. И мы тогда радовались только одному: мимо нас, в сторону фронта торжествующе проносились тяжелые товарняки, нагруженные танками, пушками...» Очень точно об этой дороге сказано в стихах:

Везет
на фронт
мальчика
товарищ военный врач.
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
<...>
Мне уже двенадцать,
я взрослый почти...
Двоится,
двоится,
двоится
рельсовые пути...
В кармане моем документы, –
печать войсковая строга.
В кармане моем документы,
по которым
я – сын полка.
Прославленного,
гвардейского,

проверенного в огне...
Я еду на фронт.
Я надеюсь,
что «браунинг» выдадут мне.
Что я в атаке
не струшу,
что время мое пришло.
Завидев меня,
старухи
охают тяжело...
<...>

Но в Москве «сына полка» ждало разочарование. Придя в военкомат и узнав от знакомого офицера, что на том участке фронта, куда она вместе с сыном направлялась, по всей видимости, готовится наступление, а значит, будет жарко, мать решила не рисковать жизнью сына. И поступила, как тогда ему казалось, жестоко, но этим, возможно, спасла: сняла с него гвардейскую форму и отдала его в детский дом. И оказался Роберт Петкевич воспитанником Даниловского детского приемника, помещавшегося в стенах бывшего Данилова монастыря.

Впрочем, безрадостная детдомовская жизнь продолжалась недолго. Привыкший к самостоятельным поступкам, рано по-взрослевший паренек принял решение как нельзя более самостоятельное. В 1944 году, когда Роберту было 12 лет, он решил поступить в военно-музыкальное училище. (Полностью оно имеловалось так: Третье московское военно-музыкальное училище воспитанников Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Желание возникло неожиданно, советоваться ему было не с кем: родители – отец и мать – были на фронте.

Они с приятелем-одногодком, таким же детдомовцем, пришли в училище и представили перед приемной комиссией. Экзаменовали их недолго. Во-первых, спросили о родителях. Во-вторых,

проверили, обладают ли ребята хоть в какой-то степени музыкальным слухом и чувством ритма. Наверное, с этим было всё в порядке, потому что в училище их приняли.

Надо ли говорить, какой восторг вызвала у пацанов настоящая военная форма, переселение в казарму, новые понятия: «устав», «дневальный», «наряд», «патруль», «увольнительная» и, главное, непередаваемо прекрасная обязанность козырять всем военным на улицах Москвы!

Из воспоминаний Рождественского: «Мы очень много занимались строевой подготовкой, а еще больше – подготовкой профессиональной. В неё входили общеобразовательные предметы, музыкальная грамота, сольфеджио, инструментальный класс – всего и не перечислишь.

Я играл сначала на тромbone, а потом перешел на бас-геликон. «Дуть» приходилось часа по четыре в день. До кружашейся темноты в глазах.

А тут еще после контрольной хоровой проверки мне сказали, что у меня второй голос. Второй, а не первый! Я почему-то жутко обиделся. Не знаю на кого...»

Но потом обида прошла. И когда взвод шагал по Таганке, и старшина командовал: «Запевай!», ребячья в общем-то хилые голоса, и первые и вторые, вдруг начинали звучать громко и слаженно. Прохожие останавливались, офицеры-фронтовики козыряли этому бравому строю, а «штатские» мальчишки смотрели на них с нескрываемой завистью.

Еще бы! Ведь для них эти мальчики в форме были частью огромной Советской армии, которая в это самое время наступала, громила и гнала фашистов!

Кстати говоря, стать военным музыкантом было, оказывается, давнейшей мечтой Роберта. Об этом свидетельствует стихотворение «Голос начищенной меди», где рассказывается, как еще в раннем детстве, в Омске, с завистью наблюдал парнишка за идущим через город полком музыкантов.

Память о времени учебы в Третьем военно-музыкальном училище (кстати, помещалось оно на Таганке) выражена в стихотворении Р. Рождественского, которое так и называется «Третье Музыкальное».

Третье Музыкальное, –
помнишь ты
или нет
худого и заикающегося
курсанта
двенадцати лет?
Которому сразу же
дали
огромный бас-геликон...
Влезал я в него,
как в удава,
свернувшегося клубком.
<...>

Завершается стихотворение темпераментным восклицанием: «Спасибо тебе, спасибо, Третье Музыкальное!».

Как же должна была сложиться судьба ребенка, если душа его истосковалась не по свободе, а, напротив, жаждала жесткого, военного порядка! Правда, воспринимался он скорее как игра, со своими сложными и увлекательными правилами, а потому она и не тяготила мальчишку, росшего на попечении сначала мамы, затем бабушки, затем тети и с завистью глядевшего на каждого проходившего мимо военного – красивого, физически крепкого, мужественного.

Это преклонение перед силой и дисциплиной навсегда стали неотъемлемыми чертами характера поэта. Любимыми же героями стали люди сильные, смелые, преодолевающие препятствия и трудности.

Закончилась война. День Победы курсант музыкального училища встречал в Москве. Вечером 9 мая во время праздничного салюта он отправился на Красную площадь.

«Помню ту праздничную суматоху, – рассказывает Роберт в книге «Разговор пойдет о песне», – когда все центральные улицы были переполнены кричащими, ликующими людьми, а площади казались огромными океанами какого-то исступленного счастья!

Люди смеялись, плакали, пели, обнимали друг друга! Было светло от улыбок, светло от слез, светло от наступившей Победы. Наверное, именно этот свет выплескивали в ночное небо прожектора, лучи которых кружились и перекрецивались над Москвой.

Один из прожекторов стоял около собора Василия Блаженного. Прожектор был большим, теплым и добрым. Он совсем не походил на своих тревожных собратьев, которые озаряли московское небо осенью сорок первого года...

Я помню, как толпящиеся вокруг люди стали швырять мелочь в восходящий поток синевато-белого прожекторного света. И монетки, пролетая сквозь этот свет, вдруг вспыхивали до невозможности ярко и сказочно. На какое-то мгновение они становились сияющими, почти драгоценными. Совсем такими, как глаза людей, собравшихся на Красной площади...»

Роберт был необыкновенно наблюдательным, всё происходящее так врезалось ему в память, что спустя тридцать лет после того памятного дня, он увидел всё это и запомнил. И смотрел на происходящее курсант музыкального училища глазами поэта, художника. Это не просто наблюдения, это наблюдения человека, обладающего образным мышлением.

«...Я пришел сюда с другом. Мы с ним были одеты в военную форму и, надо сказать, делали всё, чтобы выглядеть бывальими вояками. Там, на площади, мы даже пробовали закурить.

Но в этот самый момент с криком: “Качать победителей!” – на нас накинулась веселая и возбужденная толпа... Как я ни отбивался, как ни вопил, убеждая налетевших, что мы не воевали, нас всё равно “качнули”!.. А потом еще раз. И еще...

Наверное, из всех военных на площади мы были самыми маленькими, самыми легкими и – в отличие от всех других военных – ни разу не раненными».

Увы, будущему поэту удалось окончить лишь первый курс музыкального училища. Летом сорок пятого приехала мать и не без труда увезла его с собой. Во-первых, Роберт уезжать не хотел, в училище ему нравилось, а во-вторых, тринадцатилетний парнишка, военный курсант, считался военнообязанным.

Вскоре мама, Вера Павловна, вышла замуж за однополчанина Ивана Ивановича Рождественского, отчим усыновил мальчика. У Роберта появился отец, которого он сразу полюбил. Семье часто приходилось переезжать с места на место. Сначала это был Кёнигсберг, потом Каунас, затем Таганрог, потом Вена...

Самое сложное было менять школы, а значит, товарищей, компании. Нелегко было этому застенчивому, заикающемуся парню, трудно сходившемуся с новыми товарищами, быть вечным новичком. Не случайно в этот период его жизни мальчик много читает, открывает для себя много книг, целые пласти культуры, ранее не освоенные.

Будучи уже старшеклассником, Роберт жил у тети в Москве. Родители в это время обустраивались в Петрозаводске, в Карелии, куда отчим получил очередное назначение. Жил Роберт на Малой Бронной, и то ли по причине территориальной близости, то ли из давнего любопытства стал заглядывать в Литинститут.

А надо сказать, что публиковать свои стихи Роберту довелось еще в Вене, в гарнизонной газете. И в Москву он приехал с твердым желанием посвятить себя литературному труду.

Учеба в Литинституте. Начало творческого пути

У Роберта была богатая на воспоминания жизнь: военное сибирское детство, медленные, как очереди за хлебом, поезда-теплушкы, музыкальное училище, пионерские концерты в омском госпитале, когда тебя, заикающегося двенадцатилетнего курсанта, слушают тяжелораненые бойцы и командиры, голос начищенной меди полкового оркестра, вызывающий сегодня острые воспоминания и властно, как и тогда, зовущий в будущее.

Веришь стихам поэта о детстве – здесь биография целого поколения, его судьба, решительно определившаяся к середине 50-х годов, времени серьезных общественных сдвигов в жизни нашей страны.

Но обстоятельства сложились так, что оканчивать школу пришлось не в Москве, а в Ленинграде, где его приютила еще одна родственница. Роберт «занимался литературным трудом» и там, публиковался в ленинградской городской пионерской газете. Правда, были это в основном стихи к праздникам и всякого рода датам, но ведь публиковался же, волей-неволей приобретая многие важные профессиональные навыки.

И тут накатило новое увлечение – спорт. Юноша стал перворазрядником по волейболу и баскетболу, получил второй взрослый разряд по боксу, занимался легкой атлетикой, ручным мячом. Никто не сомневался, что, окончив школу, он пойдет в институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Благо его туда действительно звали.

Но Роберт поступил иначе: послал документы в Литинститут. Через короткое время документы и присланые на конкурс стихи были аккуратно возвращены: абитуриент был отвергнут «ввиду явной творческой несостоятельности». Это его не обескуражило. Ведь у него уже были весьма благоприятные отзывы кое-кого из известных литераторов (так, живя в Таганроге, школьник Рождественский получил лестное письмо от Евгения Долматовского, прочитавшего его стихотворные опыты). А, кроме того, будучи по натуре своей оптимистом, он верил, что когда-нибудь прорвется в Литинститут, всё-таки еще вся жизнь впереди (используя его же позднюю песенную строчку).

Так и получилось. Первый год после неудачи с поступлением в Литинститут, отучился в Петрозаводске, где жили родители, на историко-филологическом отделении пединститута. Студента Рождественского там, надо сказать, буквально на руках носили. Во-первых, потому, что в этом традиционно «женском» учебном

заведении ощущался острый дефицит юношей, а во-вторых, потому, что он выступал за сборную республики по баскетболу и волейболу и поддерживал её престиж на соревнованиях в разных концах страны.

И всё же спустя год Р. Рождественский сделал еще одну попытку попасть в Литинститут. На этот раз удачную.

1951 год. Роберт Рождественский – первокурсник Литинститута. Молодой поэт сразу же окунулся в атмосферу литературных споров, коридорных дискуссий, дружеских застолий и порой совсем не дружеских обсуждений опытов друг друга. Он познакомился с Евгением Евтушенко, учившимся годом старше, с Расулом Гамзатовым, Григорием Поженяном, Григорием Баклановым, Чингизом Айтматовым, подружился с Владимиром Соколовым. Все они тогда учились, вместе много общались друг с другом.

Роберт ходил также на поэтические семинары Михаила Светлова и Владимира Луговского и прозаический семинар к Константину Паустовскому. Всё было интересно приехавшему из Петрозаводска молодому человеку. Во всё он хотел вникнуть, всё хотел, что называется, потрогать собственными руками.

Потом был семинар Василия Захарченко. Этого колоритного, темпераментного седого писателя мы знаем как главного редактора журнала «Техника – молодежи» (1947–1984) и одного из основателей телевизионной передачи «Это вы можете» (1973–1993). В пятидесятые годы он был больше известен как поэт. Именно его семинары посещали в Литинституте Е. Евтушенко, и Б. Ахмадулина, и Р. Рождественский. К пятому курсу в семинаре было уже девять членов Союза писателей. Сам Рождественский вступил в Союз писателей в 1954 году в карело-финской писательской организации. В 1950–1953 годах по несколько раз в год он публиковал свои стихи в петрозаводском литературном журнале «На рубеже» (первый цикл стихов – под общим названием «За мир» – был напечатан в этом журнале еще в 1949 году). В 1955 году в Карелии уже вышла первая книжка Рождественского – «Флаги весны». Через год в Москве был издан его сборник «Испытание».

В 1952 году его стихи были напечатаны в «Смене», а несколько позже появились и в других центральных изданиях. Большой резонанс имело стихотворение «О временно прописанных», направленное против так называемых стиляг, с которыми в ту пору безуспешно боролся комсомол.

В стихотворении изображалась вечеринка стиляг, «передовиков потребления». Даны их колоритные портреты. Вот Жоржик – «двадцатилетний дядя – сыночек маменькин», порхающий из института в институт и существующий на щедрые родительские «карманные». А вот Аллочка, которая «сначала где-то училась, что-то кончала», а потом «с завидным успехом “на блеск утомительный бала” страницы конспектов и совесть она променяла».

Вообще сатирических стихов Роберт Рождественский написал в те годы достаточно много. Потом он их не перепечатывал. Некоторые – совершенно напрасно. Правда, позже он развил многие темы в других, более отточенных стихотворениях, но всё же и ранним стихам как верному свидетельству и о времени, и о поисках начинаящего поэта следовало бы отдать дань.

Читая эти стихи, мы должны помнить, что написаны они до XX съезда партии и зачастую опережали общественную ситуацию.

Когда в 1953 году умер И. В. Сталин, молодой поэт плакал вместе со всеми. Ему, как и очень многим, тогда казалось, что всё рухнуло, что произошла непоправимая, чудовищная трагедия. Он, как и многие, не знал о страшных преступлениях сталинского времени. Никто из близких ему людей не был репрессирован. Воспитанный в строгом патриотическом духе, он был не просто верящим в Сталина юношей, но, как сам позже признавался, истово верующим.

В марте 1953-го он дважды, благодаря недюжинной физической силе, сумел попасть в Колонный зал, чтобы проститься с генералиссимусом, не раз возникавшим в его ранних, школьных, стихах... Но и перемены, произошедшие в нём в те очень длинные три года, что предшествовали XX съезду, были не менее

искренними. Нет, ни тогда, ни позже он не выступил с обличительными стихами, как, скажем, Евгений Евтушенко, опубликовавший стихотворение «Наследники Сталина». Но сам пафос его стихов красноречиво свидетельствовал о произошедших в нём переменах.

Роберт Рождественский окончил Литинститут в год XX съезда КПСС, а поступил в него – когда Сталин был еще жив. Надо ли говорить, что на студенческие годы пришлось формирование его не только как поэта, но и окончательной выработки гражданской позиции, огранка личности. Эти процессы шли неотрывно друг от друга. И может быть, не только природное дарование, а именно это совпадение во времени крупных сдвигов в общественном и личном сознании выдвинуло Рождественского и его ровесников на передний край литературы, сделало всенародно популярными.

Спустя тридцать лет поэт вспоминал: «Наша литературная молодость совпала с XX съездом КПСС. Совпала с общей разбуженностью страны, народа, совпала с неожиданным и мучительным переосмыслиением прошлого, с возвращением реабилитированных, с круговоротом споров, сомнений, надежд и – вопросов, вопросов, вопросов!

Задавая эти вопросы и пытаясь ответить на них, мы искали себя, взрослели, учились жить, учились любить и ненавидеть, учились думать...»

Важные черты общественного сознания находили читатели в молодой поэзии своего глашатая и пропагандиста. Надо также подчеркнуть, что в середине XX века по-новому раскрылись замечательные дарования художников старшего поколения, протянувших руку новой поэтической смене. Прежде всего речь идет об Александре Твардовском, Ярославе Смелякове, Леониде Мартынове, Владимире Луговском, Михаиле Светлове. Поэзия Роберта Рождественского особенно близка по мироощущению последним двум.

Сейчас, по прошествии времени, отчетливо видишь многие несовершенства молодой поэзии тех лет. Ей часто не хватало глубины и сосредоточенности.

Эта поэзия прокладывала пути в то время, и без неё уже невозможно представить историю советской и российской литературы. Достижения современной прозы с её углубленным вниманием к нравственно-философским ценностям бытия были в определенной мере обеспечены и поэтической работой того поколения, о котором идет речь.

Это поколение ощутило себя звеном советской истории – это чувство надо было претворить в поэзию высокой судьбы, и стоит ли удивляться, что ошеломляющая тяжесть ответственности и славы не всегда оказывалась ему по плечу.

Роберт Рождественский вошел в литературу вместе с группой талантливых сверстников, среди которых выделялись Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Цыбин. Молодая поэзия 50-х начинала с броских манифестов, стремясь как можно скорее утвердиться в сознании читателей. Ей, конечно, помогла эстрада, казалось, сам стих тех молодых лет не мог существовать без звучания. Но прежде всего подкупал гражданский и нравственный пафос этой внутренне разнообразной лирики, поэтический взгляд, который утверждает личность творящего человека в центре вселенной.

Посредине двадцатого века
облетают
ржавые символы...
Будьте счастливы,
Человеки!
Люди умные.
Люди сильные.

Так писал Рождественский в стихотворении под знаменательным названием «Винтики» (1962).

Рождественский выбрал наиболее трудный для поэта путь – лирической публицистики. В его стихах советское время открыто заявило о себе как часть исторического. Кровные связи настоящего с прошлым и будущим здесь не просто ощущаются, растворяясь в самой атмосфере произведения, они называются, подчеркиваются, на них ставится ударение. Лирический герой полностью сливаются с личностью автора и в то же время постоянно воспринимает себя частью общего целого, сознательно стремясь выразить главные духовные запросы, опыт, порыв в будущее своих сверстников, товарищей по судьбе.

Трезвое знание, чувство личной ответственности за всё плохое и хорошее, творящееся на родной земле, руководит поэтом. Зрелая вера наполняет его, вера в обычных работающих людей, живущих рядом, истинных творцов истории, к которой поэт нередко обращается и от их имени.

В 1954–1955 годах начали возвращаться из лагерей репрессированные. В том числе и писатели, и Рождественский слушал их рассказы. Вернулся Ярослав Смеляков, с которым молодой поэт сблизился. Потом, во время студенческих практик, Рождественский поездил по стране. В гостиницах, домах колхозника приходилось встречаться с разными людьми. Многие из них пострадали в годы сталинского режима. Не верить им было нельзя.

Да и сама атмосфера вокруг менялась на глазах! Всё словно ожидало, распускалось; судя по книгам, журналам, кинофильмам, постепенно сбрасывались стесняющие художников оковы, раздвигались рамки. Не замечать всего этого было нельзя, и не участвовать в этих процессах тоже было нельзя.

В пятидесятые годы у Рождественского было написано одно стихотворение, в котором отстаивалось честное имя репрессированного человека, – «Стихи о моем имени». История Роберта Эйхе, в честь которого и был назван Рождественский, стала

широко известна в дни работы XX съезда. На съезде Н. С. Хрущев зачитывал его письмо Сталину. Рождественскому и раньше приходилось встречать родившихся в Сибири сверстников, носивших то же редкое имя, что и он, но только после того, как история репрессированного первого секретаря Западно-Сибирского крайкома партии Роберта Эйхе была обнародована, он нашел объяснение этому обстоятельству.

Поэт стал интересоваться фигурой Эйхе, расспрашивал людей, слышавших о нём или знавших его. И, в конце концов, написал стихотворение. Начинается оно издалека, со следующего диалога:

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямиться чего вам?
Пришла пора исправить ошибки отцов.
Перемените имя.
Станьте
Родионом.
Или же Романом, в конце концов».
Мне это повторяют.
<...>

Это довольно длинное стихотворение. Где-то в подтексте звучит лукавый вопрос читателю и слушателю: может быть, и вы так же считаете, может быть, и вам это нерусское имя кажется «ошибкой отцов»?

Но уже в следующей строфе заключена полемика:
А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговорти дней
партийные родители
называли Робертами
спеленатых,

розовых,
орущих парней...
Кулацкие обрезы ухали страшно.
Кружилась над Алтаем рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт пахнет
иностранщиной».
И я усмехаюсь на эти слова.

Затем идет объяснение, что Роберты называли детей именно партийные родители, те, кто принимал участие в классовой борьбе в деревне.

Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!

Далее несколькими штрихами дается портрет «могучего человечища», «латыша», и сомнений в том, что это герой положительный, не остается. Завершает поэт стихотворение на личной ноте: «Спасибо вам, родители, за имя мое... Несем мы имена удивительных людей. Не уронить бы! Не запятнать бы!»

После четвертого курса, в 1955 году, Рождественский отправляется на так называемую производственную практику. Вместе с шестью другими студентами он едет на Алтай, в редакцию газеты «Алтайский комсомолец». Во-первых, хочется посмотреть на землю, на которой родился (с тех пор ни разу там не был). А во-вторых, в разгаре было освоение алтайской целины, а значит, романтика, трудности и прочие привлекательные для молодого поэта обстоятельства. Позже в семидесятые годы Рождественский

писал: «Бригада Литинститута. Барнаульская “Комсомолка”. Второй год целины. Засуха. Жуткая засуха. Когда по дороге в степи идет машина, то за ней до самого неба наклонно движется столб пыли. Как смерч. А мы с товарищем берем интервью у молодого строителя элеватора. Строитель волнуется, курит. Строитель старается говорить кругло, по-газетному. Это – его первое интервью в жизни... Мы записываем каждое слово и холдеем от страха. Даже зубы стучат. Ведь это наше первое интервью в жизни...»

Там, на целине, рождаются стихотворения, которые сам Рождественский считает началом своей серьезной поэтической работы.

В 1955 году журнал «Октябрь» опубликовал его юношескую поэму «Моя любовь». Молодой поэт взяточно и просто заговорил о вещах, близких многим. Подкупала доверчивая, открытая интонация этого голоса, естественный демократизм и гражданская наполненность лирического высказывания, когда личное неизменно стремилось слиться с судьбами времени, страны, народа.

Поэма началась в груди,
грудь разорвать грозя.
Теперь её,
 как ни крути,
не написать
 нельзя.
Я ею бредил по ночам,
берег её, как жизнь.
Я на руках её качал
и повторял:
 – Пишись!
Пишись! –
я требовал,
 но мне
ответил ворох строк:
– Постой!
А был ли ты в огне?

Месил ли
пыль дорог?

Встречал ли ты в атаке смерть?

Привык ли ты дерзать?

И так ли знаешь жизнь,
чтоб смеять

о ней другим сказать?..

<...>

Что стояло за «ворохом строк» этой первой, еще во многом несовершенной, но очень искренней поэмы? Стихи Рождественского замечались, цитировались в критических и публицистических статьях.

Но ничто из ранее написанного поэтом не могло сравниться с успехом поэмы «Моя любовь». Поэма оказаласьозвучна времени, настроениям молодежной среды и произвела впечатление поистине разорвавшейся бомбы.

Студенческая молодежь жадно читала первую поэму Рождественского. Поэт по-маяковски атаковал мещанство, он боролся за свою любовь, за право человека на возвышенную мечту. Звонкий голос порою срывался, и тогда критические молнии били в пустое пространство, в абстракцию, но многое искупали неподдельная страсть, юношеская ненависть к бездуховности, пошлости, фальши. Имя студента Литературного института узнала и запомнила вся страна.

Поэма читается с напряжением, так как вся состоит из любви и ненависти – к женщине и к родине, две любви, оказавшиеся несовместимыми. Более того, именно любовь к родине определяет подтекст поэмы. С личным счастьем всё в порядке. Словом, наслаждайся любовью до конца дней своих. Но герой отказывается от этой любви во имя другой любви – к родине. И сборище мещан на пируашке ему ненавистно именно потому, что «им плевать на дела страны». Здесь трудно даже говорить о

слиянии личного с общественным. Для лирического героя поэмы судьба родины и есть самое личное, самое главное. Конфликт между обывательским, сытым благополучием и юношеским максимализмом, тягой к самоотдаче и романтике стал центром произведения.

А его злейший враг – неискренность, приспособленчество, мещанство, причем мещанство духовное, по-обывательски не верящее во вдохновенные порывы человека. Поэт не любит хлюпиков, не жалует жалующихся, не терпит терпеливых, не смиряется со смиренными. Ему по душе лишь те, кто «дышит громко, смеется громко, любит громко и шепчет громко», как сказано в стихотворении, посвященном актеру Е. Урбанскому, – «Другу, которому я не успел написать стихов».

Есть на свете

такие парни –

дышит громко,

смеется громко,

любит громко

и шепчет громко!

Есть на свете

такие парни...

Есть на свете

такие, парни!

К жизни

он припадает губами,

Пьет ее.

И напиться не хочет...

И когда –

такие! –

уходят

вдруг,

на взлете,

на взмахе,
на вздохе, –
как земля в сентябре,
обильны, –
ничего не чувствуешь.
<...>

Некоторая прямолинейность главного героя поэмы, его чрезмерный максимализм в те годы не замечались. И дело не только в общественной ситуации, требовавшей от молодых людей проявления именно этих качеств, но и в глубокой психологической достоверности поэмы. Молодые люди вдруг обнаружили, что сами не раз оказывались в подобных ситуациях, и вот на многие возникавшие при этом вопросы Рождественский давал им четкий и определенный ответ.

Скорее антимещанский пафос, чем расплывчатая «любовь к родине», привлек к поэме тысячи и тысячи молодых читателей. Время требовало такой поэмы – и она появилась. С этого момента началось для Роберта Рождественского время его известности, его популярности, его взлета.

В 1956 году уже состоялся первый авторский вечер Рождественского в Театре эстрады, который помещался тогда на Маяковке (позже в этом здании обосновался театр «Современник»). Вел вечер, представляя молодого поэта, Михаил Светлов. Начались вечера в Политехническом – сначала общие, а потом, так сказать, «сольные». Всё в том же 1956 году вышел первый ежегодник «День поэзии», а спустя год состоялся первый поэтический вечер в Лужниках – самом крупном зале страны. Поэзия Рождественского поднялась под ветром крутых и благотворных общественных перемен, полнившим паруса жизни, паруса советской поэзии середины века. Поэзия мощно шагнула на эстраду, на телевидение, в огромные, жадно внимавшие аудитории. И одним из признанных лидеров этого поэтического взлета был Роберт Рождественский.

А что с его собственной личной жизнью? Одна встреча и одна любовь на всю жизнь. Алла Киреева была его однокурсницей. Поэт покорил её тем, что был очень добрым, застенчивым, искренним и надежным. О начале их романа Алла говорила очень коротко: «В один прекрасный день что-то случилось. Сразу и на всю жизнь». После свадьбы они жили в 6-метровой комнатке коммунальной квартиры в полуподвале во дворе Союза писателей, но стесненные материальные условия их не смущали – они были очень счастливы. Она называла его Робой, а он её – Аленушкой. Еще во время учебы в Литинституте Рождественский выпустил свой первый поэтический сборник. В 1960-х гг. он стал знаменитостью, его книги разлетались 100-тысячными тиражами. Алла Киреева говорила: «Всё было просто: его поэзия, как и творчество других шестидесятников, оказалась созвучна времени, и слава пришла к ним сама».

У Роберта и Аллы родились две дочери – Екатерина и Ксения. Обе стали журналистками, а старшая – Екатерина – еще и переводчиком и фотохудожником. Она стала известна благодаря серии работ под названием «Частная коллекция» в журнале «Караван историй», где представила знаменитых современников в образах персонажей живописных полотен художников прошлого.

Роберт и Алла прожили вместе 41 год, но жена не идеализировала это время, хотя и говорила, что им наверняка завидовали окружающие. Она признавалась: «Ну, было всякое – и трудности, и обиды, и гулянки какие-то, иногда экстремальные, но всё это по сравнению с той любовью, которая в нашем доме жила, никакого значения не имело... Теперь, когда Роберта нет на земле, я корю себя за то, что мы так мало говорили, но мы ведь понимали друг друга и без слов. С ним было замечательно молчать... Я не хочу сказать, что мы были святыми: случались в жизни мелкие искушения, мы же оставались живыми людьми... Я была слепа, не видела, что Роберту нужна была я – со всеми своими проблемами и комплексами. И только я. А мне казалось, что за каждым углом – соперница. Роберт был не только однолюбом, но и очень верным человеком, рыцарем».

«Я знала, что многие нам завидуют, еще бы – столько лет вместе. Но если бы они знали, как мы счастливы, нас, наверное, сожгли бы на площади. Каждый день я слышала: “Алка, я тебя люблю!” Я так привыкла к этим словам, что не могу поверить, что никогда (какое слово бесповоротное!) не услышу их снова. Но они звучат в夜里, заставляют меня просыпаться и не оставляют никакой надежды на сон...», – такими словами супруга поэта Алла Киреева вспоминала их совместную жизнь.

В 1982 году Роберт Рождественский написал поэму о судьбе современной женщины, которую назвал «Ожидание» («Монолог женщины») и посвятил Киреевой:

<...>

Современная женщина, современная женщина,
Суетою замотана, но, как прежде, божественна.
Не похвалится силою, но на ней, тем не менее,
И заботы служебные и заботы семейные.
Всё на свете познавшая, все невзгоды прошедшая,
Остается загадкою современная Женщина!

<...>

Любовная лирика в творчестве Рождественского занимает значительное место. Его герой и здесь целен, как и в других проявлениях своего характера.

Это вовсе не означает, что, вступая в зону чувства, он не испытывает драматических противоречий, конфликтов. Напротив, все стихи Рождественского о любви, начиная со знаменитого «Я уехал от весны» (1956), наполнены тревожным сердечным движением.

Путь к любимой женщине для поэта – всегда непростой путь; это, по существу, поиск смысла жизни, единственного и неповторимого счастья, путь к себе.

В середине пятидесятых в творчестве Рождественского появилась, а затем окрепла романтическая нота. Собственно, на

ниве «дорожной романтики» тогда трудились многие поэты. Рождественский в этом деле был первопроходцем, признанным лидером.

Он всё время звал своих читателей и слушателей в дорогу. Порой даже казалось, что неважно куда, лишь бы уехать.

Романтика трудных дорог. Письма домой

Как и его сверстники, влюбленные в дорогу, он мечтает где-то вдали от дома (тогда это было непременным условием: только вдали от дома!) совершить что-то значительное, крупное. Стихов об этом в пятидесятые годы было написано множество.

Вот стихотворение «В пути» из сборника «Испытание» (характерное для книги название, особенно если учесть, что сборник вышел едва ли не в те самые дни, когда в Москве работал XX съезд партии). Как и водится, вначале дается невинный пейзаж: берег реки, полдень, тишина. И вот на берегу «девушка сидит на чемоданчике, на руки склонив устало голову». Кто же она? Оказывается, «едет медицинскою сестрой она в бывшую заштатную провинцию».

<...>

По дороге вязкой,
будто вспаханной,
медсестра приедет поздним вечером
в городок,
еще смолою пахнущий
и пока
на картах не отмеченный.
К борту парохода с плеском ластятся
волны
цвета неопределенного.
Едет девушка в цветастом платьице,
в город свой заранее влюбленная...

В отличие от «неопределенных» волн, мечта девушки весьма и весьма определенна: она еще не приехала в новый город, где ей придется, по сути, начинать жизнь заново, но уже заранее влюблена в него.

А вот другая героиня – на этот раз из сборника «Ровеснику» (название книги ясно указывает на её адресата), из стихотворения «Счастье». Это сельская девушка, прочно вросшая в патриархальный деревенский быт. Казалось бы, всё хорошо: «жизнь идет размеренно», «печка дышит жарко», «твоим красивым платьям завидуют подруги», «парни зарята на губы твои ласковые». И всё же девушка тоскует. В чем же дело? Оказывается, «...за горами дальними живут твои ровесники. Они ведут машины сквозь ночь и сквозь тайгу...».

И дальше все уже знакомые нам атрибуты романтического бытия: «едят не жирно», «спят порой в снегу», «в лицо им хлещут ливни», «кусты одежду рвут»... Так вот в чем дело: «Надеждочка» тоскует по романтике!

Она уверена: «они построят станцию на речке Ангаре!...». Но, увы, ей от этого не легче:

С глазами входишь мокрыми
домой,
где каждый вечер
орут коты под окнами
совсем по-человечьи.

Ну, скажите на милость, кому захочется оставаться в родной деревне после такого стихотворения? Разумеется, необходимо срочно собраться и отправляться на «речку Ангару». Ну, в крайнем случае – на «речку Бирюсу». Стихи Рождественского сыграли свою роль в воспитании целого поколения, поколения романтиков, искренне веривших в то, что, если они уедут из дома воздвигать очередной город или очередную электростанцию, жить от этого станет лучше, жить станет веселей.

Как минимум десять лет отделяли эти бурлящие годы от начала застойного периода нашей истории. Началась «оттепель». Поэзия быстрее других жанров искусства прореагировала на изменившуюся общественную ситуацию, и сама приняла живейшее участие в бурлении и оживлении жизни.

В следующем 1956 году студенческая практика была у Роберта Рождественского необычной. В Литинститут пришел новый ректор – Виталий Михайлович Озеров. Он собрал студентов и сказал: «Вы можете поехать на творческую практику туда, куда хотите». Рождественский думал недолго – он захотел на Северный полюс.

Как ни странно, всё устроилось довольно быстро. Начальство полярных экспедиций с пониманием отнеслось к просьбе Литинститута, студенту было дано два дня на сборы. Он и опомниться не успел, как оказался на Диксоне, в летней гостинице, в ожидании погоды, чтобы лететь на организующуюся дрейфующую станцию «Северный полюс-6», которая была расположена прямо на льдинах. Эта поездка произвела на поэта огромное впечатление – несколько лет спустя он выпустил книгу стихов «Дрейфующий проспект». Конечно, то, что увиделось на Севере, забыть невозможно, а вот описать в стихах – запросто. И самолеты, привязанные, чтобы сильный ветер не унес, на аэродроме Диксона. Они привязаны тросами к земле, а лопасти, раскручиваемые ветром, бешено врашаются, издавая при этом гул как будто действительно готовящегося взлететь самолета... И бывалые «полярные волки», «травящие» в летней гостинице захватывающие истории из собственного и чужого опыта... И ваяющая с ног, изматывающая работа на создаваемой, строящейся на льдине станции «Северный полюс». А жить, между прочим, на льдине этой приходилось в палатках.

Стихи, написанные на Севере, появились сначала в «Комсомольской правде», а сборник «Дрейфующий проспект» вышел уже после. В названии книги прекрасно ужились полярная романтика недавней эпохи («дрейфующий» – как не вспомнить

папанинцев) и дух нового, свежего по настроениям и чувствам времени («проспект» – словечко, нашедшее широкое употребление в хрущевские времена и прекрасно передающее их стиль). Название это – словно символ переломного времени.

Где бы ни был поэт, мысль его неизменно возвращается к родному дому. В разлуке Роберт Рождественский тоскует и неустанно пишет любимой жене письмо за письмом.

В стихотворении «А я все тебе не пишу...» – сразу «тысячу писем», в стихотворении «Разница во времени» – одним махом «восемнадцать телеграмм». Он обращается к любимой с дрейфующей льдиной («Я уехал от весны»), с берегов реки с романтическим названием Олёкма («Слышишь?!») и с целины («Ожидание»). Он не просто тоскует – он уверен, что и любимая его тоже ждет, тоже неспокойна, и эта мысль помогает ему переносить и разлуку, и невзгоды. «Слышишь?! Но только в дороге я верить хочу, что где-то на глобусе этом... ты... не знаешь ни ночи, ни дня, и плачешь, и руки ломаешь, и ждешь, как спасенья, меня!»

В этом желании, чтобы и любимая переживала, «ломала руки», нет ни капли эгоизма: это одно из проявлений страсти, не знающей границ и расстояний.

Но само расстояние поэт охотно описывает. Какими только эпитетами ни награждается оно, каких только слов ни истратил поэт на то, чтобы описать его, это расстояние, его протяженность, его непреодолимость.

<...>
Между стуком двух сердец,
между мною и тобой
есть –
помимо расстояний –
просто разница во времени.
<...>
Солнце встало на пути.
Ветры встали на пути.

Напугать меня хотят
высотою горы-вредины.
Не смотри на телефон.
И немного подожди.
Я приду,
перешагнув
через границу во времени.

Может, по причине своих бесконечных отлучек из дома, а может, и потому, что в детстве сам он был лишен устойчивого домашнего быта, Рождественский в ряде своих стихотворений слагает настоящие гимны семейному уюту, теплу домашнего очага.

«Я снова дома, дома. Вот так и надо жить. Мне хорошо. Удобно. И незачем спешить...» И это пишется после всех юношеских заверений, что, мол, для приобщения к настоящей жизни надо непременно покинуть дом и ввергнуть себя в пучину неустроенной кочевой жизни, – призывают, немало горячих голов, надо думать, сорвавших с места и отправивших на «речку Ангару» и «речку Бирюсу»!

Но и эти стихи, внешне как будто противоречащие прежним его заверениям, оказались для него вполне органичными. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать те из ранних его стихотворений, которые были буквально пронизаны тоской по дому, семье, оставленным домочадцам.

«Катыка, Катышок, Катюха – тоненькие пальчики. Слушай, человек-два-уха, излиянья папины...» В этих нескольких строчках, обращенных к дочери, и неприкрытая сентиментальность, и подлинная нежность, и обычна для Рождественского легкая самоирония. Нежнее, ласковее, кажется, и нельзя было написать.

Не менее проникновенные слова находит поэт, чтобы написать о жене уже во вполне зрелые годы. Вот уже из стихотворения восьмидесятых годов: «Знаешь, понял я, что на свете мы не существуем отдельно. Мы уже – продолженье друг друга.

Неотъемлемы. Нерасторжимы... И с годами у нас с тобою стала общею – группа крови, одинаковой – группа боли».

Но ошибкой было бы думать, что только ровные, безмятежные настроения были характерны для отношений двух людей, проживших вместе десятилетия. Нет, стихи, как своеобразный лирический дневник, сохранили и следы ссор, и срывы, и приступы ревности.

Вот, к примеру, стихотворение «Ссора»: «Мы почему-то живем втроем: ты, я и ссора... А я квартирантки не выношу – я завожусь мгновенно! И хлопаю дверью! И ухожу... И ссора мне шепчет: “Верно. Правильно! Действуй наверняка. Тебе ж неуютно и зябко. Не возвращайся домой, пока я в этом доме хозяйка!”»

И всё же герой стихотворения находит в себе силы и решает вернуться домой: «...что будет, то будет». Чем заканчивается ссора, из стихотворения неясно. Но важен сам момент перелома, желание героя первым пойти на компромисс.

Сходная ситуация – в более позднем стихотворении «Если разозлишься на меня...». Оно также завершается тем, что герой берет вину на себя: «...я к тебе приду. Сам. Просить прощения».

Куда более сложные чувства испытывает он, когда, напротив, ему приходится дожидаться жену, тоже во время ссоры покинувшую дом. Описанию этих чувств посвящена целая поэма – «До твоего прихода».

Опала

Между 1956 годом – годом окончания Рождественским Литинститута, годом первой московской книги, наконец, годом XX съезда КПСС – и 1963-м, годом мартовской встречи Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией, – между этими двумя датами помещается целая поэтическая эпоха.

Время было удивительно емким. События развивались с головокружительной быстротой, сменяли друг друга, как в калейдоскопе.

В 1962 году выходит книга «Необитаемые острова». В этом же году он закончил поэму «Реквием». Литературный критик Анатолий Бочаров писал: ««Реквием» Рождественского, потрясает каждого, кто прочитал его. Есть в «Реквиеме» то общечеловеческое горе, которое не может не захлестнуть, едва вы начнете читать эти строки о героях». Поэт посвятил произведение всем участникам войны. В посвящении он написал: «Памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны». В поэме он призывает никогда не забывать о войне и её героях, в том числе простых солдатах:

Помните!
Через века, через года –
помните!
О тех,
кто уже не придет никогда, –
помните!
<...>

Произведения Рождественского с незамысловатыми, близкими людям темами были популярны у советских читателей. За простоту языка и четкость образов его поэзию называли «ясной». Литературный критик Лев Аннинский писал: «Звенищий, светлый, кристально-ясный мир Роберта Рождественского – это естественное проявление его личности, его души, его судьбы. В этом мире всё можно взять в руки, ощупать».

В 1963 году Роберта Рождественского пригласили на встречу Никиты Хрущева с представителями творческой интеллигенции. На ней поэт прочитал стихотворение «Да, мальчики» – ответ на произведение Николая Грибачева «Нет, мальчики!». В нём Грибачев писал:

Порой мальчишки бродят на Руси,
Расхристанные, – господи, спаси! –

С одной наивной страстью – жаждой славы,
Скандалной, мимолетной – хоть какой.
<...>

Рождественский посчитал произведение выпадом в сторону своего поколения. В поэтическом ответе он оправдывает своих сверстников, которые развиваются науку, поднимают большие стройки и осваивают космос.

<...>
Да, мальчики,
выходим в путь негладкий!

Боритесь
с ложью!
Стойте на своем!
Ведь вы не ошибитесь
в самом главном.
В том флаге, под которым мы живем!

Хрущев посчитал это противостоянием коммунистической партии. В стенограмме встречи было указано: «В выступлении товарища Рождественского сквозила мысль о том, что будто бы только группа молодых литераторов выражает настроения всей нашей молодежи, что они являются наставниками молодежи. Это совсем не так. Наша советская молодежь воспитана партией, она идет за партией, видит в ней своего воспитателя и вождя».

Рождественского перестали приглашать на творческие встречи, его стихотворения не публиковали полтора года – до того момента, как Хрущева сместили с поста генерального секретаря партии. Всё это время поэт провел в Киргизии – переводил произведения местных писателей на русский язык.

В конце 1964 года Рождественский вернулся в Москву. Его произведения вновь начали печатать в советских журналах и газетах. Спустя год вышла его книга «Радиус действия», в которую

вошла поэма «Письмо в XXX век». О ней литературный критик Лев Аннинский писал: «Мысль о венце развития, о конечном счастье, о великой цели, которая оправдывает все наши труды и жертвы – вот главная идея поэмы Рождественского».

В «Письме в XXX век» Рождественский сделал попытку обратиться к далеким потомкам и рассказать им о своем времени. Особенно удались главы о любви.

Поэт вновь стал популярен, а в 1966 году он даже стал первым лауреатом международного конкурса «Золотой венец», который проходил в Македонии.

В 1979 году он получил Госпремию СССР за поэму «210 шагов» – длина пути к Мавзолею.

В жанре поэмы Рождественский остается верен устойчивым чертам своего стиля. Его поэмы насквозь пронизаны патетическим лиризмом, образ автора, как правило, занимает в них почти всё художественное пространство. Ораторский пафос, экспрессивная интонация определяют и размеры этих произведений – они компактны и «длятся» столько времени, сколько хватает дыхания для непрерывного монолога.

Глубина поэзии Рождественского самая простая, самая бесхитростная и оттого подлинно поэтическая, это глубина доверия к читателю. Он не позирует перед читателем, не делит стихи на показательно-возвышенные и заманчиво интимные. Он естествен в любом своем поэтическом движении. А ведь дар быть естественным многоного стоит! Быть в поэзии естественным так, чтоб не существовало зазора между собственной жизнью и поэтическими декларациями несравненно труднее, чем найти обличие положительного лирического героя. Поэт никогда не старается быть ни мудрее, ни тоньше, ни одухотвореннее, чем он есть на самом деле, и открыто делится тем, что заботит, сердит, радует, волнует нас по сей день.

Его поэзия непрерывный – беспрестанный разговор: вопросы, реплики, ответы – всё то, из чего складывается заинтересованное

общение человека с человеком. У Рождественского есть своя особая разговорная интонация.

Часто первая строка стихотворения служит своего рода обращением, как бы настраивает всё стихотворение, дает ему нужный тон. «Прошу простить, хирург, коль я не так спросил», – начинается стихотворение «Детскому хирургу Вячеславу Францеву». А ироническое стихотворение, обращенное к «искусствоведу», собирателю сплетен о художниках, открывается строкой: «Интересуешься искусством? Великим, дерзостным, нескучным?».

Юмор поэта поистине многолик. То веселый – в стихах о сауне: «Но если это – пекло, куда девались черти?». То убийственный, будучи обращен к тем «стыдливым», кому, видите ли, «стыдно в драку лезть крупную, а в мелкую – совсем неудобно». То жизнелюбивый – в стихах о природе: «И облако как сердце, пронзенное стрелой». То восхищенно-уважительный: «Сверхтяжелые ракеты на платформах возлежат». То задорный: «В тебе – четырнадцать тебя вместилось, как в матрешке».

В свободном переходе от иронии к пафосу, от описания к вопросу, от доверительного шепота к разговору в полный голос раскрывается свобода и внутренняя энергия его творческого диапазона, его лирического чувства.

Проза и публицистика

Хочется остановиться на прозе и публицистике Роберта Рождественского. Тем более что работу его в этих жанрах отличают те же особенности, что и в поэтическом творчестве.

В его прозе мы находим многие мотивы и темы, которые использовались им в стихах.

Поэт много путешествует: Европа, США, Латинская Америка. Результатом таких путешествий становятся не только стихи, но и прозаические зарисовки.

В сопредельные жанры Р. Рождественский вторгался потому, что ему было это интересно. К тому, что делал, Рождественский всегда относился очень серьезно. Никаким отдыхом от поэзии эта часть работы для него не была.

Во время поездки Роберта Ивановича в Латинскую Америку, когда он, будучи корреспондентом «Известий», вынужден был постоянно давать в газету репортажи о поездке, он написал цикл стихотворений о Латинской Америке.

К примеру, в одном из этих репортажей упоминается, между делом, землетрясение в Куско – городе, построенном испанскими завоевателями на руинах столицы инской империи. «Произошло это землетрясение в начале века... Вздрогнули горы. Потемнело небо. Ахнув, застонала земля. И дома закачались, посыпались. И сами по себе зазвонили колокола церквей. Зазвонили, а потом замолкли, оборвавшись. И как будто, разогнув плечи, встали на дыбы знаменитые инские фундаменты. И как по команде стряхнули с себя чужой город!.. Казалось, что древняя земля инков мстит захватчикам за всё то, что они принесли на эту землю».

Позже на основании этого краткого абзаца, похожего на страницу в записной книжке, поэт пишет стихотворение «Землетрясение в Куско», центром которого стал мотив мести, кары свыше:

Бог

испанцев не простили.

Отомстил.

С вечера

трясется

Куско!

Месяц в небе

как печать.

Непонятное

искусство –

землю

взять и раскачать!

Подминая,
вырастая,
сшиблись
каменные лбы!
Все фундаменты
привстали,
будто кони,
на дыбы!
<...>

В прозе – зазвонили, а потом оборвались колокола на испанских храмах, в стихах – «католические боги обрываются со стен» этих храмов. Более того, «сам Христос развел руками тонкими. И так лежит...».

В finale стихотворения делается закономерный вывод, к которому поэт подводил всем его ходом: «Торжествует справедливость. Месть грядет через века!».

Подобных параллелей, особенно в стихах и прозе на зарубежные темы, мы можем отыскать немало. Но связь стихов и прозы Рождественского заключается не только в том, что они близки тематически, сюжетно. Главное в другом – проза его написана по законам поэзии.

Проза Рождественского менее экономна, чем его стихи. В ней много необязательных повторов, отходов от основной мысли, всякого рода отступлений, но в том-то и дело, что для Рождественского они как раз и обязательны! Это особенность его стиля, его манеры общения с читателем, которому, как считал Рождественский, любую мысль необходимо разжевывать, растолковывать, сделать наглядной, причем желательно – опираясь при этом на его, читателя, опыт.

Судите сами. «Известно: чем дольше и упорнее человек занимается какой-то одной профессией, одной работой, тем лучше в конце концов эта работа у него получается, тем глубже он

разбирается в её тонкостях, легче обходит “подводные камни”». Далее поэт подробно, даже скрупулезно описывает работу токаря или летчика.

В писательской и композиторской профессии всё обстоит несколько по-другому. «Потому что задача настоящего писателя, настоящего композитора никогда не состоит в том, чтобы во время творческого процесса, преодолев неожиданные сложности, выйти на “знакомую дорогу”, прийти к чему-то привычному, встречавшемуся прежде».

Можно было изложить свою мысль короче? Конечно, можно. Но Рождественский должен быть на все сто процентов уверен, что мысль его дошла до читателя, понятна ему. Без этого он двигаться дальше просто не может. Вот и возникают длинные рассуждения на самые разные темы, наглядно разъясняющие ту или иную мысль, подходящие к ней с разных сторон. Такова особенность прозы Рождественского.

Но что же сближает её со стихами? Ну, во-первых, она насыщена метафорами. Поэт стремится к образному объяснению едва ли не каждого своего тезиса (в этом также проявляется его желание как можно точнее донести до читателя мысль). Рождественский пишет: «Тенор шел на это верхнее “до”, как идут на амбразуру». И в другом месте: «Молодой оперный тенор запрыгнул на очень высокую ноту, покачался на ней, размахивая руками, как неопытный канатоходец, а потом всё-таки не выдержал – сорвался». И это двойное значение слова «сорвался» (в прямом – «не взял ноту», и в переносном смысле) очень точно передает смысл случившегося.

В 1968-м массовые студенческие волнения захлестнули Францию, Париж был перекрыт баррикадами, и в апреле 1969-го, раньше положенного срока, де Голье добровольно покинул свой пост. Вот как Р. Рождественский описывает Париж бунтующий, протестующий:

На музее Родена надпись – «Забастовка».
На Лувре надпись – «Забастовка».
На музее современного искусства – «Забастовка».

Так случилось, что, когда начались студенческие волнения в Париже, никого из советских корреспондентов там не оказалось. Кто-то уехал в отпуск – лето. Кого-то вызвали за какой-то надобностью в Москву. И поэт, оказавшийся в Париже случайно, стал едва ли не единственным из советских людей свидетелем происходивших событий. Во всяком случае, первое время единственным. О том, что увидел, написал в своей статье для «Известий», с которой и начинается сборник «И не кончается Земля».

А оказался он в Париже так. Проходил Каннский фестиваль, куда поэт был приглашен, и вот фестиваль тоже забастовал, прекратил работу. И решил Роберт Иванович самостоятельно отправиться в столицу, чтобы своими глазами увидеть то, о чем уже несколько дней говорил весь мир.

Для своего рассказа он выбрал особую тональность. Принадлежит этот рассказ не самоуверенному всезнайке, оценивающему события с высоты своей несокрушимой и непогрешимой идеиности, а обычному человеку, который интересуется происходящим действительно чисто по-человечески. Надо же, музеи бастуют. Надо же, мусор не вывозят. Надо же, какие славные ребята забаррикадировались в Сорбонне. «Вот здорово! Даже папские дворцы бастуют!»

Тон этот, конечно, напускной. Прекрасно разбирался поэт в том, что видел, об этом говорят едкие замечания.

Рождественский здорово ухватил и сумел передать «ненастящесть», «игрушечность» этой «революции». «Париж потянулся к студентам, смотреть на революцию». Трудно себе представить толпы экскурсантов, стягивающихся на Дворцовую площадь наблюдать, как большевики штурмуют Зимний. А в Сорбонну такие экскурсии шли...

Автор четко дает понять: «революция» в Париже 1968 года не потому напоминала фарс, что именно фарс задумывали и разыгрывали студенты – зачинщики событий. К этим «парням» Рождественский относился серьезно, с нескрываемой симпатией, а потому, что её сделали таковой правящие классы, быстро оправившиеся от испуга и сумевшие перевести её в совершенно мирное, не опасное для себя русло.

Как только автор входит в Сорбонну, в самый центр событий, в его прозе появляются новые интонации, новый ритм. Ирония исчезает, звучит интонация почти отеческой заботы. Теперь это уже не рваный, репортажный отчет об увиденном. По форме это почти стихи, по содержанию – проповедь.

«Эх, ребята, ребята! Вы, которых я вижу сейчас, честные, искренние перед другими и перед самими собой, вы – не спавшие несколько ночей, вы – охрипшие и оглохшие от споров, вы – с глазами мечущимися и горящими, как костры, вы – сжимающие кулаки, сторонники решительных действий, вы – ничему, кроме звонкой и красивой мечты, не подвластные, вы – убежденные, и вы – с убеждениями зыбкими и ускользающими, как ртуть, вы – медлительные, и вы – спешащие, задыхаясь, за веком, – ты, ты, и ты, и ты, и ты, – похоже, что все вы уже куплены. То, чего вы все так боитесь, уже случилось».

Понятно, что никаких речей в бунтующей Сорбонне поэт не произносил, Рождественскому важно дать оценку происходящего, но дать не впрямую, не в форме политинформации, скучного доклада. Вот он и выбрал себе условного собеседника. Дескать, вовсе не вам я, уважаемые читатели, всё это растолковываю, а им, французам. Вы-то, читатели, всё прекрасно понимаете, а вот они, французы, в политике не сильны.

Как и в стихах, любит Р. Рождественский работать на парадоксах. Он умеет удивлять. Например, вдруг возьмет и заявит, что в Уругвае «абсолютно нет проблемы коренного населения, индейцев». В других странах Латинской Америки эта проблема есть, –

а в Уругвае её не существует». «Почему?» задает себе вопрос от лица читателей Р. Рождественский и тут же отвечает на него: «Да потому что не существует коренного населения. Не существует индейцев. Их просто-напросто уничтожили (вместе с возможной проблемой) белые первооткрыватели» Уругвая. От такой «беспроблемности» становится жутко.

И в стихах, и в прозе Рождественский любит обращаться к читателю напрямую. Поэтому всё время необходим собеседник.

Поэт находится в состоянии постоянной полемики: с читателем, с героем своего очерка, даже просто со страной, в которой находится, со всем её населением: «Господи! Куда мы попали? Не хунта ли, часом, стоит у власти в вашей стране? Ведь если у вас среди бела дня убивают президента, а потом – на глазах у миллионов телезрителей! – запросто шлепают “подозреваемого № 1”, то как же тогда жить обычным людям?».

В отличие от всех прежних случаев, когда собеседник, пусть гипотетический, но всё же был налицо, здесь-то к кому обращены эти «в вашей» и «у вас»? Получается, что действительно ко всем американцам сразу.

Кроме того, он и в прозе, как и в стихах, обожает перевоплощаться в своих героях. Вот и в главе об Америке читаем: «Я – фермер из Аризоны», «Я – продавец универсального магазина на Мэдисон-авеню...», «Я – лейтенант Колли...», «Я – боксер полутяжелого веса...».

Конечно, в своей «зарубежной» прозе, как и в стихах на ту же тему, Рождественский не забывает об отечественных проблемах. И, рассказав с искренним восхищением о Диснейленде, он, конечно же, продолжает не менее искренне: «Я ездил на пароходе, сидел в салуне, слушал ковбойские песни, а думал совсем о другой части света. Я думал, что когда-нибудь под Москвой или под Ленинградом откроется огромный парк...» – и далее, ни в чем не сдерживая своей фантазии, поэт описывает наш, русский «Диснейленд», каким он хотел бы его видеть.

О многом в своем американском очерке Рождественский пишет с подлинным уважением и даже восхищением: и об американских дорогах, и о замечательных автомобилях, и о знаменитой американской улыбке. Такой подход вызывает симпатию у читателя, еще более располагает к автору. Неудивительно: ведь на протяжении десятилетий телекамеры Центрального телевидения были направлены за океан исключительно на грязные помойки и спящих в картонных ящиках бездомных, деклассированных стариков.

Р. Рождественский в своей «заграничной» прозе чувствует себя едва ли не послом своей державы, и уж во всяком случае её культурным представителем. Он пишет не только от своего лица, но как бы и от лица всех сограждан, которые находятся в пределах Отчизны, от лица тех «мы» – которые стали, может быть, главными героями его творчества.

Поэт-песенник

Огромный успех Р. Рождественский имел как поэт-песенник. А самая первая песня была написана им в 1955 году, когда он познакомился в доме приезжих с композитором Александром Фляровским. Дело было на Алтае, куда неугомонный студент поехал работать на два месяца корреспондентом краевой комсомольской газеты. Они сразу нашли общий язык и подружились. Фляровский уговорил Роберта написать песню. Так появилась его первая песня «Твое окно». А записал её молодой солист Большого театра Евгений Кибкало.

В 1966 году вышел фильм Эдмонда Кеосаяна «Неуловимые мстители», для которого Роберт Рождественский совместно с композитором Борисом Мокроусовым создал композиции «Бьют свинцовые ливни», «Выглянул месяц...» и другие. В 1967 году фильм посмотрели 54 миллиона зрителей, а песни на стихи Рождественского «ушли в народ». После успеха «Неуловимых

мстителей» поэт написал стихи для песен из продолжения трилогии: «Новые приключения неуловимых» и «Корона Российской империи, или Снова неуловимые».

Когда через несколько месяцев начались съемки, пожалуй, самого известного, культового сериала о советских разведчиках по роману Юлиана Семёнова «Семнадцать мгновений весны», режиссер Татьяна Лиознова обратилась к поэту с просьбой написать «душепитательную» песню, которая затмила бы знаменитый «Полонез Огинского». Так родились сразу две песни: «Мгновения» и «Песня о далекой Родине».

Но наибольшего взлета, наибольшей самобытности и значительности его песенное творчество достигло в середине 60-х и в 70-е годы.

В конце 1960-х Рождественский познакомился и подружился с Муслимом Магомаевым, который не только пел песни на стихи поэта, но и писал для них музыку. В 1979 году певец исполнил «Балладу о маленьком человеке». Стихотворение о судьбе «маленьких» людей на войне Рождественский написал еще в 1969 году:

<...>
...А когда он упал –
некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле
не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный рост!

В 1973 году это стихотворение прозвучало в фильме «Возврата нет», а спустя шесть лет музыку для «Баллады о маленьком человеке» написал Муслим Магомаев. Всего он исполнил более двадцати песен на стихи поэта. Среди них – «Торжественная песня», «Ноктюрн», «Загадай желание». Кроме Магомаева, с песнями

Рождественского выступали Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Эдита Пьеха, Валентина Толкунова и другие советские знаменитости того времени. А порой они считаются чуть ли не народными.

В песнях мы встречаем и готовые стихи, положенные на музыку, и стихи, созданные на мелодию, ранее сочиненную композитором. Так, к примеру, для фильма «Семнадцать мгновений весны» песня «Мгновения» была написана М. Таривердиевым на готовые стихи, а «Песню о далекой Родине» поэт создал на уже созданную композитором мелодию. В редком для поэтов умении проникнуться настроением услышанной мелодии и сочинить не «подтекстовку», а оригинальное, вдохновленное именно этим настроением и ритмом песенное стихотворение оказывается, очевидно, великолепный музыкальный слух Рождественского: не прошла даром его детская учеба в Третьем Московском военно-музыкальном училище на Таганке.

Что же сделало все эти песни популярными, что же в них заключено такое, что они неизменно вызывали и вызывают отклик в нашей душе? Приглядимся к песням, тексты которых написаны Робертом Рождественским.

Прежде всего бросается в глаза то, что, хотя это все песни разные – от марша до колыбельной, от шутки до гимна, – всё же это песни именно Рождественского, то есть не «тексты», а именно стихи, несущие на себе отпечаток его индивидуальности, все качества его лирики. Созданные по законам песенного жанра, зачастую уже на готовую музыку, песни Рождественского не перестают принадлежать области поэзии. В них всегда есть лирический герой, со своим характером и своим видением мира, есть, как правило, чисто «литературное» развитие сюжета, движение мысли, есть, наконец, глубоко личное, подлинно лирическое проникновение в то, о чем в песне идет речь. Рождественский обладает завидным даром интонации, – слова ложатся на музыку естественно, словно и не существовали без неё.

Всё это, будучи подкреплено музыкой, и придает песням на стихи Рождественского своеобразие и в конечном счете работает на успех этих песен.

Дело в том, что Рождественский всегда относился к писанию песен крайне серьезно. Поэт со свойственным ему прямодушием всегда заявлял, что ничуть не стыдится своего занятия песенным творчеством и не понимает тех поэтов, которые считают писание песенных текстов разновидностью «халтуры», приработком, своим отнюдь не главным делом.

«Нет, настоящая песня – это очень серьезно. Очень!»

«Я пишу эти строки и чувствую, что в них есть какая-то оправдывающаяся интонация. Будто я сам себе доказываю, как нужна и важна песня... И, однако, я уже почти привык к тому, что некоторые мои коллеги, даже написав хорошую песню, сообщают об этом, как бы извиняясь: “Вот, мол... помимо серьезных стихов... я тут... случайно, конечно... хе-хе... изобразил, так сказать... но это так... вместо отдыха...”»

«...Когда хорошие поэты (написавшие, помимо всего прочего, много известных песен) рассказывают о своем творчестве, то почему-то в этих рассказах обязательно присутствует мысль: “Я лично никогда не думаю о том, станет стихотворение, которое я пишу, песней или не станет...”»

«Некого и нечего стыдиться тем, кто честно относится к своей работе. Тем, кто пишет песни», считал Роберт Рождественский.

Так почему же всё-таки у него в песенном жанре так много удач? В том ли только дело, что он относится к написанию песен серьезно, как к своему профессиональному занятию? Или и в том еще, что за плечами у него не только литературное, но и музыкальное образование? А может, в том, что он требователен к музыкальной стороне дела, избирателен в установлении творческих контактов с композиторами и исполнителями?

Главное заключено в самих песенных текстах, написанных им. «Настоящая песня, – писал Рождественский, – не может и не

хочет жить отдельно от людей, отдельно от народа. Точно так же, как и человек не может быть отделен от хорошей песни. Потому что она часть его души, его памяти, его сердца».

Конечно же, популярности многих песен Рождественского способствует та человечность и теплота, которая заложена в его поэзии: песня должна быть доброй, способной утешить человека в беде и разделить с ним радость, воодушевить на высокие порывы и поддержать никогда не покидающую надежду. И в этом смысле песня – не какой-то особый «материк» творчества со своими темами, чувствами, ассоциациями, а органическая часть всей поэзии; не случайно многие его песни публикуются в сборниках среди лирических стихотворений.

Свидетельством успеха Роберта Рождественского на песенном поприще могут служить хотя бы первые премии на Международном конкурсе политической песни в 1969 году за «Балладу о спасенном знамени» и на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии за песню «Огромное небо». А еще главный приз фестиваля в Сопоте в 1972 году, отданный песне «За того парня».

Некоторые песни можно считать даже своеобразными вариациями на темы, уже поднятые в стихотворных книгах. Например, написанная в русле романтики дальних странствий песня «Неоткрытые острова» со всеми романтическими атрибутами: тут и «соленые брызги», и «тяжелые, мокрые бриги», и «синие горы», которые «ждут людей, презирающих смерть!».

Но вот проходят годы. Десятилетия. Изрядно обновив тематическую основу своей лирики, Рождественский в песнях остается верен первоначальной установке на воспевание дороги и далекого труда. Он продолжает призывать: «...ты купи билет в “Аэрофлоте”, приезжай на Самотлор!» Продолжает уверять: «И распахнут весь мир, и дорога так и просит: шагни на меня!» И снова, как и прежде, повторяет: «Остался дом за дымкою степною, не скоро я к нему вернусь обратно...»

Во многих из этих песен названы адреса строек – это Тольятти, Урал, Самотлор, БАМ... Писал поэт эти песни после того, как наблюдал воочию героический труд молодых первопроходцев. Он много ездил, и поездки эти давали пищу не только для стихов, но и для песен.

Подобных песен о распахнутых дорогах, далеких кострах, трудных путях у нас написано немало. И всё же песни такого плана у Рождественского имеют свою, только им присущую особенность. Герой этих песен не только восторгается окружающими его красотами и не только гордится тем, что на его долю выпали испытания, формирующие его как человека. Нет, сильнее в этих песнях иное чувство. Он тоскует по дому, где у него осталась любимая, клянется в любви к ней и, несмотря на всю притягательность первопроходческой романтики, неизменно выражает надежду вернуться домой поскорее. «Но, побывав даже в самых красивых местах, больше всего на земле я люблю этот город», – заявляет он в одной из песен. И в другой повторяет: «И мы уезжаем, мы вновь уезжаем из дома, быть может, затем, чтоб о доме своем тосковать».

Я сейчас не дома.

Я не дома.

В небе синева крута,
бездонна.

Здесь красиво очень, здесь удобно.

Только дома – лучше.

Лучше – дома.

Это строки из песни, где рефреном, в конце каждого куплета, повторяется: «Только дома – лучше».

Потому-то и любят, и поют его песни геологи, полярники, моряки, космонавты, все те, кому приходится по долгу службы или работы месяцами находиться вдали от родного дома. Рождественский, в отличие от многих, очень многих авторов, пишущих

«романтические» песни, не приукрашивает походный или строительский быт своих героев. Нет, он от их имени и как бы по их поручению обращается к оставленным семьям, друзьям, любимым, тоскует о доме, «большой земле», «родном береге», «любимом городе».

Можно себе представить, с какими чувствами где-нибудь на льдине или занесенной снегом зимовке поют и слушают полярники песню на стихи Рождественского:

Над холодною льдиною
северный ветер пролетает,
поземкой пыля.

Но поем мы о том,
что на свете, на свете
есть большая, как небо,
Земля.

Песни на его стихи поют в нашей стране миллионы. Трудно представить наши фильмы, которые стали культовыми, без песен на стихи Рождественского. «Неуловимые мстители», «Семнадцать мгновений весны», «Карнавал». Не проходило ни одного конкурса «Песня года», в котором не было бы произведений на его стихи. Он работал со всеми известными композиторами своего времени: А. Бабаджаняном, А. Пахмутовой, М. Таривердиевым, М. Фрадкиным, Я. Френкелем и др. Исполнялись песни лучшими певцами. Многие слова из этих песен в дальнейшем стали считаться народными, что служит лучшим их признанием. Это можно сказать о таких песнях, как «Свадьба», «Огромное небо», «Город детства». Всего на стихи Рождественского было написано несколько сотен песен.

Вместе с композитором Давидом Тухмановым поэт создал официальный «Олимпийский гимн», который звучал на церемонии открытия летних Олимпийских игр 1980 года в Москве. Поэт перевел оригинальную греческую песню на русский язык.

Нужно сделать всё, чтоб вовек олимпийский огонь не погас,
Солнце стартует в небе, как в первый раз.
Этот яркий день мы надолго, надолго запомним с тобой,
Будет Земля счастливой и молодой!

Работа на телевидении

В 1970-х Рождественский, будучи одним из самых популярных советских поэтов, начинает вести телепрограмму «Документальный экран». Он рассказывал о документальных фильмах, их тогда было очень много, читал стихи. Передача была интересная, необычная, хотя бы тем, что ведущий не читал по бумажке, а говорил своими словами. Поэта стали узнавать на улицах, ему домой приходили письма от поклонников.

Он считал, что не заслужил такой популярности, такого успеха. Он думал, что эта популярность – ошибка. Неуверенность в себе была огромной. «Мне кажется, я взял чужой билет», – писал он.

«Многие хотели, чтобы им досталось как можно больше славы, а Роберт… Он не понимал, что творится вокруг него, и как-то этого даже побаивался. Когда он оказывался в толпе, он прикрывал свое узнаваемое лицо рукой, как бы пытаясь спрятаться от любопытных взглядов», – писала жена Роберта Рождественского Алла Киреева в книге «Долгая любовь моя».

Отвечая некоторым критикам, призывающим современных поэтов писать в расчете «на века», «думать только о вечном», чураться публистики, эстрады, непосредственного разговора с глазу на глаз с большой аудиторией, Рождественский пишет стихотворение «В день поэзии», в котором четко формулирует свое понимание поэтического творчества:

<...>
Века
веками.

Поживем –
обсудим…
Но продолжайся,
ежедневный бунт!
Партийная,
по самой высшей сути,
поэзия,
не покидай
трибун!
Не покидай!
Твой океан
безбрежен.
Есть где гудеть
разбуженным
басам!
Пусть в сотый раз
арбузом перезревшим
раскальвается
потрясенный
зал!
По праву сердца
будь за все в ответе,
о самом главном на земле
крича.
Чтоб ветер Революции
и ветви
ее знамен
касалися
плеча.

За активную творческую деятельность в 1979-м Рождественский получил Государственную премию СССР. Творческую работу поэт сочетал с активной общественной деятельностью.

Борьба за наследие известных отечественных поэтов

В 1980-х Роберт Рождественский не оставил литературу и издал 13 книг стихов, среди которых «Мои года» и «За того парня». В то же время он занялся публицистикой, печатался в журналах и газетах, а в 1980 году составил и издал первый сборник стихотворений Владимира Высоцкого.

Началась активная переписка с Мариной Влади, всё время приходили какие-то письма, документы, папки. В кабинете на полу и на кровати лежали стопочками стихи Высоцкого – в такой последовательности они должны будут идти в сборнике. Он тасовал их, как карты, читая стихи и прислушиваясь, как всё-таки лучше их расположить. Иногда застопоривался, не шло. «Вот поются они, да, а не читаются, под музыку да, гениально, без мелодии – не читаются у меня!» Долго не мог придумать название. Название «Нерв» подсказала ему жена. Переживал, волновался, чувствовал, что в ответе. Тем не менее книга вышла, и Высоцкий там впервые был поэт, а не бард.

Когда сборник вышел, Марина Влади сказала: «Роберт, как я рада, что ты взялся за книжку о Высоцком, а не те, кто не считал его поэтом!» Кстати, большая часть тиража была украдена прямо из вагона поезда, который перевозил книги.

После перестройки Рождественский готовил к публикации ранее неизданные произведения отечественных писателей. Сначала он был председателем Комиссии по литературному наследию Осипа Мандельштама и добился реабилитации поэта, а затем возглавил Комиссию по литературному наследию Марины Цветаевой.

Поэт Лев Озеров писал об этой его работе: «Наши с Робертом Ивановичем цели, задачи, планы были просты и ясны: добиться издания однотомника, потом двухтомника, потом массового издания. Мы совместно разрабатывали стратегию и тактику борьбы (неточное, но привычное слово) за цветаевское наследие».

В Москве Рождественский помог открыть дом-музей Цветаевой.

Последние дни. Уход

В 1990 году поэт тяжело заболел. Почти всё время он проводил в своем доме в Переделкине – работал над последней книгой стихов. Рождественский тяжело перенес распад Советского Союза, откровенно не понимая, каким образом страна, еще 10 лет назад строившая коммунизм, могла в одночасье рухнуть, как карточный домик. Ему были мерзки и отвратительны ставшие вдруг хозяевами жизни «расхитители социалистической собственности». Он тяжело заболел, потому что всё принимал близко к сердцу. И вот это сердце не выдержало…

Роберт Иванович Рождественский умер 19 августа 1994 года. Его похоронили на Переделкинском кладбище. Сборник «Последние стихи» вышел в 1994 году уже после его смерти.

Р. Рождественский умел писать чеканно, монолитно и проникновенно. И о любви к Родине, и о любви к женщине. Его любовная лирика, обращенная к супруге, которую он всю жизнь обожал, – это большая Поэзия, страстная и целомудренная, чувственная и нежная. «Мы совпали с тобой, совпали... Как слова совпадают с губами. С пересохшим горлом – вода. Мы совпали, как птицы с небом. Как земля с долгожданным снегом...» Они «совпали» более чем на 40 лет. Вообще последние стихи Рождественского едва ли не самые пронзительные, очень личные:

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...
Но ведь я не вернусь.

Через несколько месяцев после смерти мужа Алла Киреева нашла на столе телеграмму... от него! Когда она прочитала текст: «Добрался нормально. Здесь совсем неплохо. Не волнуйтесь. Скучаю», это стало для неё настоящим шоком. Потом оказалось, что это была телеграмма 1960-х гг.

Его любимая жена Алла была известным литературным критиком, автором 3-х книг, но после смерти мужа перестала писать. Её новым увлечением стала живопись, в которой она находила отдушину. Она продолжала называть себя женой, а не вдовой Рождественского и даже не думала о том, чтобы построить новую семью. «Роберт уникален! У нас были потрясающие отношения... С одной стороны, это счастье, что в моей жизни был такой мужчина, с другой – горе, потому что без него мне уже ничего не надо», – признавалась она. В мае 2015 года Алла Киреева ушла из жизни в возрасте 82 лет.

Литературный путь – не равномерное и непременное восхождение со ступеньки на ступеньку, а трудное, порой мучительное преодоление самого себя, каждый раз заново решаемая задача воспроизвести новый жизненный материал. Тем отраднее заметить, что Рождественского не коснулось ни одно модное поветрие поэзии последнего времени. В его стихах сохраняются уверенность и цельность, устойчивость воззрений, внутренняя гармония человека, твердо выверившего свои жизненные и художественные ориентиры.

Где-то в космосе есть планета Роберта Рождественского (в 1997 году его имя было присвоено малой планете, зарегистрированной в международном каталоге малых планет под № 5360).

Его последние стихи, напечатанные после смерти, потрясают глубиной, трагичностью и абсолютной искренностью. Когда умер замечательный композитор Арно Бабаджанян, Роберт написал в посвященных ему стихах: «Не в землю, а в песню уйду...» Он сам ушел – в песни, в стихи, в нашу память...

Библиография

Произведения Р. И. Рождественского

Рождественский, Р. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы (1951–1966) / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1979. – 414 с.

Рождественский, Р. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. Стихотворения; Поэмы (1965–1977); Песни / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1979. – 427 с.

Рождественский, Р. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Песни. 1951–1964 / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1985. – 447 с.

Рождественский, Р. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. Песни. 1964–1970 / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1985. – 526 с.

Рождественский, Р. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы. Песни. 1970–1985 / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1985. – 575 с.

Рождественский, Р. Возраст : стихотворения, поэмы, песни / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1988. – 431 с.

Рождественский, Р. Все начинается с любви : лирические стихи / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1977. – 167 с.

Рождественский, Р. Выбор : стихотворения и поэмы / Р. Рождественский. – Петрозаводск : Карелия, 1982. – 176 с.

Рождественский, Р. Голос города; Двести десять шагов : стихи и поэмы / Р. Рождественский. – Москва : Советский писатель, 1982. – 175 с.

Рождественский, Р. Голос города. Новые стихи / Р. Рождественский. – Москва : Московский рабочий, 1977. – 88 с.

Рождественский, Р. 210 шагов : поэма / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1979. – 78 с.

Рождественский, Р. Друзьям : стихи / Р. Рождественский. – Москва : Советский писатель, 1986. – 95 с.

Рождественский, Р. За двадцать лет. Избр. стихотворения и поэмы / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1973. – 463 с.

Рождественский, Р. Землю спаси : стихи / Р. Рождественский. – Москва : Известия, 1984. – 47 с.

Рождественский, Р. Линия / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1973. – 143 с.

Рождественский, Р. Не просто спорт : стихотворения / Р. Рождественский. – Москва : Физкультура и спорт, 1976. – 135 с.

Рождественский, Р. Посвящение. Стихи и поэма / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1970. – 175 с.

Рождественский, Р. Радар сердца. Избр. стихи / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1971. – 215 с.

Рождественский, Р. Радиус действия. Новые стихи и поэма / Р. Рождественский. – Москва : Советский писатель, 1965. – 222 с.

Рождественский, Р. Разговор пойдет о весне / Р. Рождественский. – Москва : Советская Россия, 1979. – 125 с.

Рождественский, Р. Реквием / Р. Рождественский. – Москва : Художественная литература, 1970. – 70 с.

Рождественский, Р. Ровеснику. Стихи / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1962. – 183 с.

Рождественский, Р. Семидесятые : стихи / Р. Рождественский. – Москва : Современник, 1980. – 232 с.

Рождественский, Р. Стихи. Баллады. Песни / Р. Рождественский. – Москва : Советская Россия, 1981. – 207 с.

Рождественский, Р. Стихотворения / Р. Рождественский. – Москва : Молодая гвардия, 1988. – 140 с.

Рождественский, Р. Это время. Стихи / Р. Рождественский. – Москва : Советский писатель, 1983. – 128 с.

Литература о жизни и творчестве Р. И. Рождественского

Аннинский, Л. Зона. Незабвенная шестая часть земли / Л. Аннинский // Дружба народов. – 1995. – № 12. – С. 181–185.

Аннинский, Л. Роберт Рождественский / Л. Аннинский // Красный век: эпоха и ее поэты. Кн. 3. – Москва, 2013. – С. 11.

Бикеева, В. «Я жизнь люблю безбожно!» : сценарий о жизни и творчестве Р. И. Рождественского / В. Бикеева // Поем, танцуем и рисуем. – 2017. – № 6. – С. 23–37.

Ванденко, А. Заглавными буквами: [75 лет со дня рождения Роберта Рождественского] / А. Ванденко // Итоги. – 2007. – 18 июня. – С. 86–88.

Грибов, Ю. Он чувствовал времени гул... / Ю. Грибов // Красная звезда. – 1997. – 20 июня.

Громова, Н. Жизнь слова в поэзии Роберта Рождественского / Н. Громова // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 48–50.

Добронравов, Н. Поэт и песня / Н. Добронравов // Песни на стихи Р. Рождественского. – Москва : Музыка, 1992. – С. 5–8.

Евтушенко, Е. Еще столько не договоривший / Е. Евтушенко // Нов. известия. – 2012. – 6 июля (№ 117). – С. 7–8, 13, 14.

Евтушенко, Е. Один из нас : Памяти Роберта Рождественского / Е. Евтушенко // Лит. газета. – 1994. – (№ 34). – С. 3.

Жуховицкий, Л. Слава богу успел: 5 лет назад умер Роберт Рождественский / Л. Жуховицкий // Лит. газета. – 1999. – 25–31 авг. (№ 33–34). – С. 9.

Казакова, Р. Десантник из двадцать первого / Р. Казакова // Кн. обозрение. – 1999. – 13 сент. (№ 37). – С. 18.

Келлер, Н. Роба был домоседом / Н. Келлер // Собеседник. – 2005. – № 31. – С. 14.

Киреева-Рождественская, А. Роберту нравилось помогать людям / А. Киреева-Рождественская, записала Ю. Усманова // Караван историй. – 2007. – № 6. – С. 146–173.

Коростелева, В. Надо быть счастливым / В. Коростелева // Учит. газета. – 2012. – № 25 (19 июня). – С. 21.

Кто вы, Рождественский? : [ответы поэта на вопросы каннской анкеты 1968 г.] // Рос. вести. – 1997. – 14 авг. – С. 3.

Лазарев, Л. Удивление перед творчеством / Л. Лазарев // Кн. обозрение. – 1997. – 14 окт. (№ 41). – С. 14.

Лейдерман, Н. Л. Лирический «взрыв» и поэзия «шестидесятников» / Н. Л. Лейдерман // Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература. 1950–1990-е гг. : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва, 2003. – Т. 1 : 1953–1968. – С. 115–130.

Львова, В. У настоящих поэтов есть только год рождения / В. Львова // Комс. правда. – 2004. – 18 авг. – С. 17.

Макарова, Б. «Все начинается с любви» : литературно-музыкальная композиция для старшеклассников, посвященная творчеству Р. Рождественского / Б. Макарова // Читаем, учимся, играем. – 2007. – № 4. – С. 37–41.

Мальгин, А. Поэт и время : [о творч. путях Р. Рождественского] / А. Мальгин // Юность. – 1988. – № 11. – С. 70–72.

Мальгин, А. Роберт Рождественский : очерк творчества / А. Мальгин. – Москва : Художественная литература, 1990. – 206 с.

Михайлов, И. В защиту рифмы : [о стихах Р. Рождественского] / И. Михайлов // Звезда. – 1966. – № 8. – С. 201–209.

Мнацаканян, С. Поэт на стадионе / С. Мнацаканян // Лит. газета. – 2007. – 20–26 июня (№ 25). – С. 6.

Мудрик, М. Омская книга Роберта Рождественского / М. Мудрик // Нов. мир. – 2012. – № 10. – С. 133–151.

Мурзина, М. «...но ведь я не вернусь»: 20 июня исполнилось бы 85 лет поэту Роберту Рождественскому / М. Мурзина // АиФ. – 2017. – 21–27 июня (№ 25). – С. 18.

Огрызко, В. Сгорит потаенная радость / В. Огрызко // Лит. Россия. – 2007. – 29 июня (№ 26). – С. 6.

Рождественская, А. Б. Жизнь по счастливому билету : [беседа с женой Р. Рождественского А. Б. Рождественской / записала О. Бакушинская] / А. Б. Рождественская // Деловой мир. – 1995. – 25 февр. – С. 12.

Рождественский, Р. Автобиография / Р. Рождественский // Рос. вести. – 1997. – 31 июля. – (Лит. листки ; с. 1).

Рождественский, Р. Гражданственность – душа поэзии / Р. Рождественский // Юность. – 1981. – № 2. – С. 97–99.

Рождественский, Р. «Почините мне время» / Р. Рождественский // Кн. обозрение. – 1996. – 23 апр. (№ 17). – С. 5, 8.

Рождественский, Р. «Себя нам простить легко...» : Из блокнотных записей последних лет / Р. Рождественский // Вопр. литературы. – 1995. – Вып. 2. – С. 292–327.

Рождественский, Р. Случайные отрывки из блокнота / Р. Рождественский // Рос. вести. – 1997. – 31 июля. – (Лит. листки ; с. 2).

Роберт Рождественский: удостоверение личности / сост. К. Рождественская // Кн. обозрение. – 2002. – 18 нояб. (№ 47). – С. 4.

Савельев, В. Ждать, молить и ускользать : Прошло три года, как мы попрощались с Робертом Рождественским / В. Савельев // Лит. газета. – 1997. – 27 авг. (№ 35). – С. 10.

Сапрыкина, О. Роберт Рождественский приходит к дочери во сне / О. Сапрыкина // Комс. правда. – 1999. – 24 авг. – С. 13.

Скорондаева, А. Папина книжка. Роберт Рождественский, «Таинственная страсть» и самая большая любовь – глазами дочери поэта / А. Скорондаева // Рос. газета. – 2017. – 20 июня (№ 132). – С. 9.

Тищенко, А. Голос начищенной меди / А. Тищенко // Воин России. – 2007. – № 6. – С. 115.

Фомина, И. Именем Роберта Рождественского назван уголок Москвы / И. Фомина // Семь дней. – 2014. – № 22. – С. 60–63.

Фомина, И. Самолеты не заглушают песен Р. Рождественского / И. Фомина // Семь дней. – 2012. – № 26. – С. 12–18.

Чуйков, П. Родной берег в поэзии Роберта Рождественского / П. Чуйков // Рус. речь. – 2016. – № 5. – С. 30–87.

Шеваров, Д. Человек под дождем /Д. Шеваров // Рос. газета. – 2012. – 14–20 июня (№ 134) – С. 30.

Открывая книжные страницы...

«Лишь бы дело осталось. Твое и мое»
Методико-библиографический материал
к 90-летию Р. Рождественского

Составитель
Ольга Васильевна Ефремова

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РМ

Компьютерная верстка и техническая редакция
E. A. Ромашиной

Формат 60 x 84 1/16. Печ. л. 4. Тираж 7 экз. Заказ № 3
ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия»
430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 26, тел. 8(8342)48-08-58
<http://www.natlibraryrm.ru>
e-mail: natlibraryrm@e-mordovia.ru

